

Соотношение факторов защиты и риска девиантного поведения на разных этапах подросткового и юношеского возраста

Полякова Ирина Вадимовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии,
Смоленский государственный университет. Россия, г. Смоленск.
ORCID: 0000-0003-2054-4390. E-mail: alisapolyak@mail.ru

Аннотация. Рост и распространенность нарушений в поведении подростков свидетельствуют о проблемах в социальной адаптации и необходимости принятия системы превентивных мер, обеспечивающих их психологическую безопасность и благополучие. Изучение специфических особенностей поведения подростков на разных этапах их развития связано с необходимостью своевременной превенции отклонений в развитии их психики и формирования личности. Цель исследования заключалась в компаративном соотношении выраженности факторов защиты и факторов риска отклоняющегося поведения, выявленных в ходе социально-психологического тестирования подростков. Гипотеза о том, что соотношение факторов защиты и риска на разных этапах подросткового возраста различается, получила свое экспериментальное подтверждение. В исследовании приняли участие 325 подростков, обучающихся в 7–11-х классах (возраст 13–17 лет). Измерение проводили с помощью опросника «Единая методика социально-психологического тестирования» (далее – ЕМ СПТ). Ранжирование результатов позволило выявить структуру и динамику трансформации факторов риска и защиты в соответствии с возрастными особенностями подростков. Наиболее высокая подверженность фактору риска выявлена у семиклассников. Уровень выраженности снижения факторов риска имеет гетерогенный и гетерохронный характер. Выявлены характерные для каждого этапа подросткового возраста факторы риска. Описана специфика освоения защитных факторов, заключающаяся в трансформации интерактивных в «интрапсихических» моделей, в рамках которых осуществляется взаимодействие с окружающими людьми. Полученные результаты применимы для разработки и/или уточнения стратегии работы с обучающимися на любом этапе подросткового возраста, а также для эффективного определения методов и приемов психолого-педагогической коррекции в индивидуальном и групповом режимах работы с подростками.

Ключевые слова: подростки, адаптация, отклоняющееся (девиантное) поведение, факторы защиты и риска девиантного поведения, склонность к риску.

Введение. Результаты исследований отечественных и зарубежных авторов, изучающих формирование отклонений в поведении в подростковом возрасте, свидетельствуют о широкой распространенности нарушений поведения [12; 15; 20–22]. В связи с этим исследование факторов риска, провоцирующих отклонения в поведении подростков, приобретает особую актуальность. Среди них – риск возникновения депрессивных проявлений, обусловленных в том числе чувством одиночества [16; 26]. Установлено, что количество курящих детей и подростков от младших классов к старшим имеет возрастающую динамику [6; 18]. С 2020 года по настоящее время количество подростков, совершивших преступления, возросло на треть, а совершенных преступлений на 20 %; около миллиона несовершеннолетних доставляются в органы внутренних дел за правонарушения, в приемники-распределители – около 60 тысяч; девиантное поведение проявляет каждый четвертый подросток в России [5].

Превенция этого нежелательного явления входит в число стратегических задач Правительства РФ. С этой целью осуществляется тестирование учащихся среднего и старшего подросткового возраста, начиная с 13 лет, с 7-го по 11-й класс общеобразовательной школы [8; 13].

Методика СПТ позволяет определить уровень развития двух групп факторов склонности к аддитивному поведению: факторов риска и факторов защиты. К факторам риска относятся условия, способствующие вовлечению несовершеннолетнего в деструктивное асоциальное поведение: неблагополучные семейные отношения, безнадзорность, неуспеваемость в школе и др. [4; 6]

Обзор литературы. Большинство отклонений в поведении несовершеннолетних связывают с проблемами, которые они доставляют окружающим. Речь идет о проявлениях поведения, нарушающих установленный нормативный свод правил общественного порядка [7]. Деадаптивная семья – одна из причин формирования девиантных отклонений, поскольку

она ограничивает полноценные условия гармоничного роста и развития ребенка [12]. Трудности решения проблемы выявления и оказания помощи неблагополучной семье заключаются в том, что они связаны с межведомственным взаимодействием и недостаточным нормативно-правовым регулированием [17].

Разработка классификаций типов неблагополучных семей обусловлена в том числе необходимостью дифференциации приемов и методов работы с детьми группы риска. Одна из классификаций, получивших распространение, связана с типами неблагополучных семей, выделяют:

- псевдоблагополучную (с авторитарными детско-родительскими отношениями);
- неполную (с нарушением социализации ребенка из-за отсутствия одного из родителей);
- проблемную (с нарушениями поддерживающих отношений и обособленностью между родителями и детьми);
- аморальную (с несоблюдением социокультурных норм и девиантными нарушениями поведения);
- криминогенную (с делинквентными нарушениями) [1].

Детей из неблагополучных семей, отнесенных к зоне риска, отличает эмоциональная неустойчивость, психоэмоциональная напряженность, импульсивность, обусловленные проблемами детско-родительских отношений и семейными трудностями [2].

Понятия «факторы риска» и «факторы защиты» применительно к девиантному поведению были введены М. Раттером. Исчерпывающие исследования факторов, влияющих на формирование психических расстройств, до сих пор не осуществлены [24]. Негативные факторы могут предшествовать возникновению психических расстройств. В их перечень включают обстоятельства, связанные с личной потерей или контекстуальной угрозой, разные типы переживаний разлуки со значимыми людьми, различные принуждения в семейном взаимодействии (например, последствия, возникающие вследствие развода или смерти родителей, условия, связанные с провокативным риском асоциальных действий и правонарушений, низкий интеллектуальный уровень) [23].

Факторы защиты, по М. Раттеру, это условия, которые противодействуют факторам риска. К таким факторам относят высокий интеллектуальный уровень, благополучное социокультурное окружение, хорошую успеваемость в школе, поддержку родителей и др. [10; 24; 25].

Е. А. Бодрая выделяет биологические, психологические и социальные факторы, обуславливающие формирование аддиктивного поведения, и подчеркивает их сочетанный характер [1]. Под биологическими понимается генетически обусловленный способ реагирования на различные стимулы. Трудности, связанные с приспособлением к социальным воздействиям, определяют в качестве социального фактора [4]. Психологический фактор включает многочисленную группу наименований: психологическая травма, особенности психического развития, проявления психического дизонтогенеза, причины, связанные с переживанием длительного или интенсивного стресса и др. [1; 26].

Н. Н. Саввина описывает кумулятивный эффект факторов, которые могут воздействовать на личность одновременно [14]. Среди них – индивидуальные, семейные, социальные, средовые, эмоциональные, биологические, поведенческие, межличностные и т. д. Различные классификации факторов связаны с тем, что в качестве их оснований выделяются разные системообразующие факторы, например виды деятельности, направленность поведения, а также особенности социальной группы, в которую включен подросток [14]. Количество и выраженность этих факторов определяют степень социальной депривации личности [16].

Воздействие этих факторов на личность может быть конструктивным или деструктивным. Конструктивные факторы определяют успешную адаптацию, деструктивные, наоборот, препятствуют адаптации подростка к социальному окружению [14]. Таким образом, существует несколько классификаций, описывающих факторы риска и защиты по разным основаниям. Каждая из них способствует выбору соответствующей стратегии практической работы с целью поддержки защитных факторов и снижения факторов рискогенности [12; 19].

Формы профилактической работы включают просвещение, беседы, консультирование, социальную терапию. Особое место занимает тренинговая работа с учащимися школы, в процессе которой дети не только являются слушателями, но и сами предлагают конструктивные формы поведения в сложных ситуациях [10; 25]. На тренинговых занятиях дети проигрывают формы конструктивного поведения в межличностном взаимодействии, получают опосредованный опыт, направленный на формирование здорового образа жизни [1].

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 325 учащихся 7–11-х классов МБОУ Гимназия № 1 им. Н. М. Пржевальского г. Смоленска в возрасте 13–17 лет. Цель исследования заключалась в выявлении группы риска, а также особенностей трансформации факторов риска и защиты в зависимости от этапа подросткового возраста. В качестве психодиагностического инструментария использована «Единая методика социально-психологического тестирования» [13]. Данная методика предназначена для выявления психологической готовности к аддиктивному поведению у лиц среднего и старшего подросткового возраста.

Результаты. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты испытуемых по методике ЕМ СПТ (%)

№	Шкалы	Классы				
		7-й	8-й	9-й	10-й	11-й
Факторы риска						
1	Плохая приспособляемость, зависимость	–	2,22	1,44	–	–
2	Подверженность влиянию группы	10	5,83	–	1,6	–
3	Принятие асоциальных установок социума	5	–	3,95	–	–
4	Склонность к риску	10	2,22	4,1	1,6	–
5	Импульсивность	1,67	–	–	–	1,93
6	Тревожность	3,34	4,44	2,7	–	2,1
7	Фрустрация	–	–	–	–	2,1
8	μ	4,3	2,1	1,7	0,5	1
Факторы защиты						
9	Принятие родителями	1,66	6,85	5,85	4,95	2,09
10	Принятие одноклассниками	5,84	1,66	1,98	11,9	6,09
11	Социальная активность	10	15,98	9,85	4,95	6,09
12	Самоконтроль поведения	10	15,14	18,21	13,1	6,09
13	Фрустрационная устойчивость	9,15	11,53	10,19	6,6	2,09
14	Адаптированность к нормам	10	8,75	9,95	4,95	1,9
15	Самозффективность	–	–	–	8,3	9,9
17	Дружелюбие, открытость	–	–	–	6,7	10,05
17	μ	5,8	7,4	7	7,6	5,5

Как видно из табл. 1, «Плохая приспособляемость, зависимость» (далее – ППЗ) имеет максимальную выраженность в среднем подростковом возрасте, 8-м и 9-м классах (14–15 лет), причем у четырнадцатилетних подростков она в полтора раза выше (2,22 и 1,44 % соответственно). У учащихся 7, 9–11-х классов этот показатель не выявлен.

Результаты по шкале «Подверженность влиянию группы» (далее – ПВГ) наиболее выражены у семиклассников (13–14 лет), затем они снижаются к старшему подростковому возрасту. В 7-м классе они составили 10 % от всего числа 13-летних подростков, в 8-м классе снижаются в 1,7 раза до 5,83 %. У десятиклассников результаты проявляются незначительно (1,6 %) и в 9-м и 11-м классах не выявлены. Подготовка к выпускным экзаменам как бы отсрочена во времени, учащиеся включаются в новые коллективы в связи с профилированием в 7-х классах и формированием новых классов в старшем звене, и это способствует проявлению фактора ПВГ.

«Подверженность асоциальным установкам» (далее – ПАУ) влияет на 5 % семиклассников, и затем в 9-м классе их число снижается до 3,85 %, в 8, 10 и 11-х классах они не выявлены. Вместе с тем у всех учащихся, включенных в группу высокого социального риска, были установлены высокие результаты по шкале ПАУ.

Результаты обучающихся по шкале «Склонность к риску» (далее – СР) оказались наиболее выраженными. Они представляют собой последовательное чередование циклов увеличений выраженности в 7-м и 9-м классах (10 и 4,07 % соответственно) с максимальными результатами в возрасте 13 и 15 лет (7-й и 9-й классы) и спадами между ними. СР снижается с возрастом: у 14-летних подростков в 4,5 раза, а у 16-летних – в 2,5 раза. Снижение склонности к риску традиционно связывают с обретением личностной зрелости [6]. У одиннадцатиклассников результаты по шкале СР в исследовании не выявлены.

По шкале «Импульсивность» (далее – ИМ) были установлены приблизительно одинаковые результаты у семи- и одиннадцатиклассников (1,67 и 1,93 соответственно). У учащихся

других классов они не были выявлены. В исследованиях разные авторы выделяют различные основания для оценки импульсивности. Например, выявлена связь импульсивности с агрессивностью и оппозиционностью [19]. Описаны гендерные различия в проявлении импульсивности (у девочек – срочность, у мальчиков – сенсационность) [20]. Авторы подчеркивают, что импульсивность характерна для подросткового возраста в целом и она снижается к концу обучения в школе [7]. В тексте методики ИМ определена в терминах эмоциональной неустойчивости и склонности к необдуманным решениям. В проведенном нами исследовании последовательное снижение результатов по шкале ИМ к концу обучения в школе не было выявлено [3].

Результаты школьников по шкале «Тревожность» снижаются от 7-го к 11-му классам с незначительным возрастанием к 8-му классу и отсутствием выраженности у десятиклассников.

2,1 % одиннадцатиклассников испытывают фрустрацию, у испытуемых других классов она не установлена. Шкалы «Тревожность», «Фрустрация» и «Импульсивность» в одиннадцатом классе образуют группу рискогенности. Полученные результаты можно объяснить чрезмерной загруженностью выпускников в связи с подготовкой к сдаче ЕГЭ.

Таким образом, фактор риска в юношеском возрасте почти по всем шкалам выражен значительно ниже, чем в подростковом. Исключение составляют результаты по шкалам «Фрустрация» и «Импульсивность», где они выше. Период 13–14 лет выглядит несколько «драматичнее» по шкалам «Подверженность влиянию группы», «Склонность к риску» и «Принятие асоциальных установок», которые минимизируются или не выражены в 11-м классе. Фактор защиты в группе испытуемых качественно и количественно выражен выше, чем фактор риска.

Результаты по шкалам фактора защиты включали «Принятие родителями», «Принятие одноклассниками», «Социальная активность», «Самоконтроль поведения», «Фрустрационная устойчивость», «Адаптированность к нормам», «Самоеффективность» и «Дружелюбие, открытость».

Как видно из табл. 1, принятие родителями у семиклассников низкое (1,6 %). Отношения с родителями более благополучны в 8-м классе (6,85 %), а затем ухудшаются к концу обучения в школе (2,09 %). Необходимы дополнительные усилия педагогического корпуса, направленные на реанимацию этого фактора.

Результаты по шкале «Принятие одноклассниками» в 10-м классе оказались наиболее высокими (11,9 %), в 11-м и 7-м – средневыраженными (6,09 % и 5,84 % соответственно), а в 8-м и 9-м классах потребность в принятии низкая. Потребность в ПО в 10-м классе несколько повышается, а к концу обучения в школе снижается, уступая место необходимости интенсивной работы по подготовке к ЕГЭ. В 7-м классе они неким образом компенсируют снижение по шкале «Принятие одноклассниками», а в 8-м и 9-м классах подростки уже адаптированы к требованиям социального окружения, самостоятельны и нуждаются в их поддержке меньше.

В распределении результатов испытуемых по шкале «Социальная активность» (далее – СА) было выявлено два периода: высокий в среднем подростковом и умеренный у старших подростков. Имеется тенденция к снижению к концу каждого периода.

Результаты по шкале «Самоконтроль поведения» (далее – СП) оказались наиболее высокими среди всех составляющих фактора защиты. Последовательное увеличение результатов было выявлено от 7-го к 9-му классу (18,21 %), а затем результаты последовательно снижаются к концу старшего школьного возраста (до 6,1 %). Уменьшение выраженности сознательной активности по управлению собственными поступками можно объяснить высокой регламентацией и загруженностью гимназистов подготовкой к выпускным экзаменам.

«Фрустрационная устойчивость» (далее – ФУ) у подростков проявляется на 30 % выше (11,53 % в 8-м классе), чем в юношеском возрасте (6,6 % в 10-м классе). В юношеском возрасте она снижается достаточно резко, особенно в 11-м классе – до 2,09 %. Такую динамику можно объяснить более высоким жизненным опытом и осознанностью последствий влияния социокультурного окружения, с одной стороны, и чувством ответственности и недостаточной сформированностью приемов саморегуляции – с другой [9]. Иными словами, юноши проявляли более высокую критичность и учитывали большее число факторов, а подростки относятся ко всему как бы «лобовом», поверхностно и эмоционально [11].

Результаты по шкале «Адаптированность к нормам» (далее – АН) последовательно снижаются к концу обучения в школе, что представляется на первый взгляд парадоксальным. Однако корковый контроль и произвольная регуляция в 16–17-летнем возрасте в состоянии спокойного бодрствования способствуют эффективной организации деятельности и обуче-

ния [9]. В этом возрасте юноши ориентируются скорее на собственные смысложизненные ориентации [16]. С этим, на наш взгляд, связаны результаты по шкале «Самоэффективность» (далее – СЭ) и «Дружелюбие, открытость» (далее – ДО), положительная динамика которых проявляется в старшем подростковом возрасте.

Таким образом, выраженность субшкал фактора защиты в среднем и старшем подростковом возрасте разная. В среднем наиболее выражены результаты по шкалам «Самоэффективность», «Самоконтроль поведения», «Фрустрационная устойчивость» и «Адаптированность к нормам», а в старшем подростковом возрасте – «Признание одноклассниками», «Самоэффективность», «Самоконтроль поведения» и «Дружелюбие, открытость».

Полученные результаты позволили ранжировать их выраженность по фактору риска в порядке убывания. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Ранжирование выраженности показателей
по субшкалам факторов риска и защиты (ЕМ СПТ)**

№	Субшкалы	Классы				
		7-й	8-й	9-й	10-й	11-й
Фактор риска						
1	Плохая приспособляемость, зависимость	-	2	1	-	-
2	Подверженность влиянию группы	4	4	-	4	-
3	Принятие асоциальных установок социума	3	-	3	-	-
4	Склонность к риску	4	2	4	4	-
5	Импульсивность	1	-	-	-	3
6	Тревожность	2	3	2	-	4
7	Фрустрация	-	-	-	-	4
Фактор защиты						
1	Принятие родителями	1	1	2	1	2
2	Принятие одноклассниками	2	2	1	4	3
3	Социальная активность	4	5	3	1	3
4	Самоконтроль поведения	4	5	6	4	3
5	Фрустрационная устойчивость	3	4	5	2	2
6	Адаптированность к нормам	4	2	4	1	1
7	Самоэффективность	-	-	-	3	4
8	Дружелюбие, открытость	-	-	-	5	5

Ранжирование позволило установить структуру выраженности факторов риска (по убыванию). Группу наиболее выраженных факторов риска у подростков 7–10-х классов составили шкалы «Подверженность влиянию группы» и «Склонность к риску». Группа умеренно выраженных факторов объединяет «Принятие асоциальных установок» и «Тревожность», а низко выраженными оказались «Плохая приспособляемость, зависимость» и «Импульсивность».

Структура выраженности факторов риска в 11-м классе иная: более проявленными оказались «Тревожность», «Фрустрация», несколько ниже – «Импульсивность». Среднее значение совокупности факторов риска на всех исследуемых этапах подросткового возраста последовательную нисходящую динамику их выраженности от начала к концу подросткового возраста со значительным снижением от 7-го к 8-му классу (вдвое, 4,3 % и 2,1 % соответственно). Шкалы «Плохая приспособляемость, зависимость», «Принятие асоциальных установок» и «Склонность к риску», актуальные для среднего подросткового этапа, оказались неактуальными в старшем подростковом возрасте.

Как видно на рис. 1, выраженность фактора риска на разных этапах подросткового возраста различная. Подростки демонстрируют разную «чувствительность» к модальностям фактора риска. Дебют фактора риска в среднем подростковом возрасте связан по большей части с «интерактивными» шкалами, они выражены выше. К концу подросткового возраста увеличиваются значения «интерактивных» шкал: «Импульсивность», «Тревога» и «Фрустрация». К концу подросткового возраста степень выраженности фактора риска снижается.

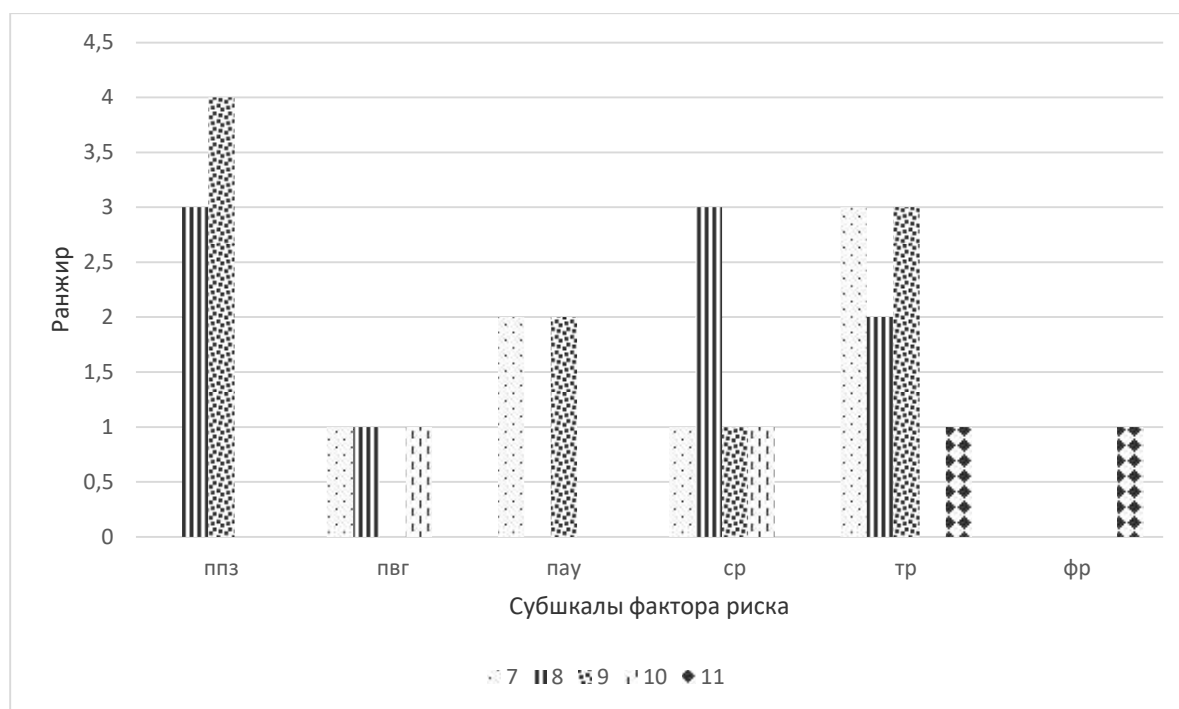

Рис. 1. Ранжир результатов испытуемых: фактор риска

Ранжирование результатов шкал факторов защиты позволило уточнить их различия и структуру в среднем и старшем подростковом возрасте. Как видно из табл. 2, группу наиболее выраженных качеств в 7-м классе составили «Социальная активность», «Самоконтроль поведения», «Фрустрационная устойчивость» и «Адаптированность к нормам». Средневыраженные результаты отнесены к «Признанию одноклассниками», и низко выраженными результатами оказались «Признание родителями». Результаты по шкалам «Самоеффективность» и «Доброжелательность, открытость» не выявлены. Следует отметить, что седьмые классы были сформированы в начале учебного года на основании профилирования и на старте обучения мотивация обучающихся традиционно высокая.

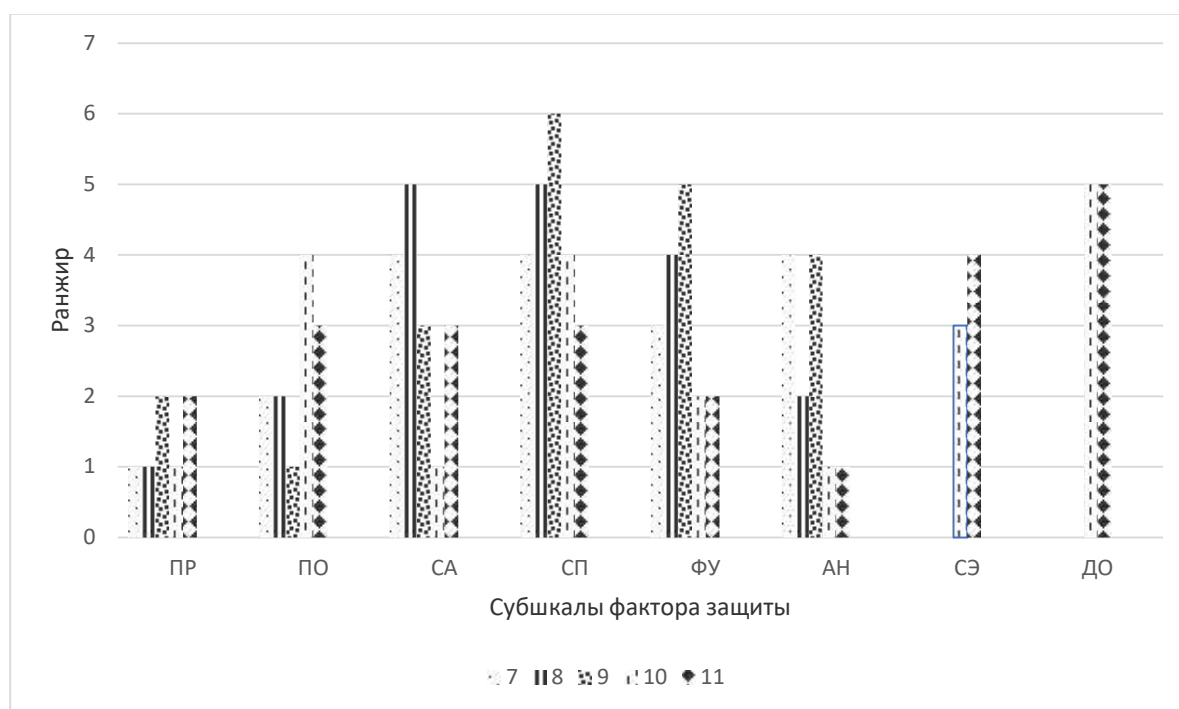

Рис. 2. Ранжир результатов испытуемых: фактор защиты

Результаты ранжирования шкал фактора защиты в 8-м и 9-м классах представлены на рис. 2.

Как видно на рис. 2, кардинальные отличия ранжира в старшем подростковом возрасте заключаются в том, что результаты по шкалам «Самозффективность» и «Доброжелательность, открытость» занимают верхние строки. Умеренно выраженными становятся «Признание одноклассниками», «Социальная активность», «Социальная активность», «Самоконтроль поведения» и «Фрустрационная устойчивость».

Учащиеся на разных этапах подросткового и юношеского возраста демонстрируют разную «чувствительность» к модальности фактора защиты. К концу подросткового возраста востребованными становятся «Самозффективность» и «Доброжелательность, открытость», которые на предыдущих этапах развития были менее актуальными.

Заключение. В исследовании установлены особенности рискогенности, влияющие на формирование готовности подростка к девиантному поведению. Наиболее высокая подверженность фактору риска выявлена у семиклассников. Эта тенденция последовательно ослабевает к середине старшего подросткового возраста, от 7-го к 10-му классу, и затем вновь незначительно возрастает к концу обучения в школе.

Уровень выраженности снижения результатов по фактору риска имеет гетерогенный и гетерохронный характер. В 7-м и 9-м классах изменения выражены выше. В среднем подростковом возрасте показатели по шкалам «Подверженность влиянию группы» и «Склонность к риску» выше остальных факторов. Распределение результатов фактора риска в среднем и старшем подростковом возрасте разное.

В исследовании выявлена группа наиболее характерных для среднего подросткового возраста факторов риска, ее составили: «Подверженность влиянию группы», «Принятие асоциальных установок социума», «Склонность к риску». У старших подростков они иные: наиболее выражены «Тревожность», «Фрустрация» и «Импульсивность». Особенности трансформации связаны с возрастными, личностными и социально-психологическими особенностями, в том числе с подготовкой к ОГЭ и ЕГЭ, обязательствами и требованиями, предъявляемыми социальным окружением.

Палитра факторов защиты у школьников оказалась шире, чем факторов риска (6 и 4 соответственно). Наиболее широко факторы защиты актуализированы в 14- и 16-летнем возрасте. Выраженность используемых факторов защиты учащимися 7-го и 11-го классов оказалась ниже. Возрастной кризис и профилирование в 7-м классе, а также интенсивная занятость и необходимость делать значимый профессиональный выбор в 11-м классе повышают уязвимость обучающихся на этих этапах развития. Фактор «Принятие родителями» выражен крайне низко, он незначительно повышается в 9-м и 11-м классах, но в целом ресурс ПР задействован недостаточно. Поэтому необходима специально организованная работа педагогического корпуса с обучающимися и их родителями для укрепления их взаимоотношений.

От среднего к старшему возрасту подростки по-разному осваивают защитные факторы: на среднем этапе освоены в основном интерактивные модели, связанные с взаимодействием с окружающими, на старшем – задействованы преимущественно стратегии, связанные с собственными «интрапсихическими» усилиями в виде самозффективности и доброжелательного отношения, дружелюбия и открытости, свидетельствующих о более высокой личностной зрелости.

Полученные результаты могут быть использованы в психолого-педагогической коррекции и просвещении в качестве навигации стратегий и приемов формирования необходимых навыков поведения для эффективной адаптации на разных этапах подросткового возраста и превенции делинквентного поведения.

Список литературы

1. Бодрая Е. А. Факторы риска формирования у подростков аддиктивного поведения // Успехи просвещения. 2024. № 1. URL: <https://edu-advances.ru/ru/article/view?id=69> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Гюлджян А. Г. Проблемы социальной адаптации молодежи // Молодой ученый. 2018. № 29 (215). С. 136–138. URL: <https://moluch.ru/archive/215/48423/> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Дементий Л. И. Возрастные особенности самоконтроля, импульсивности и агрессивности школьников // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2017. № 2. С. 4–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30624668> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Зорина Н. С. Семейное неблагополучие как причина преступности несовершеннолетних // Право и управление. 2023. № 4. С. 156–158. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-4-156-158.

5. Иванчук Н. П., Попова Е. М., Цегенько Н. Е. Технология работы с подростками, стоящими на учете в банке данных о семьях и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении // Интерактивная наука. 2022. № 1 (66). С. 24–26.
6. Коданева Л. Н., Кетлерова Е. С., Соколенкова И. И. Распространенность поведенческих факторов риска среди школьников // Ученые записки университета им. И. Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 229–232. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11. p229-232.
7. Купченко В. Е., Ратанина О. В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2016. № 2. С. 36–41.
8. Приказ Министерства просвещения РФ от 20 февраля 2020 г. № 59 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74078855/> (дата обращения: 26.02.2025).
9. Полякова И. В. Эффективность обучения: особенности взаимосвязи точности восприятия и нервно-психической устойчивости // Психология обучения. 2017. № 8. С. 32–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29823404> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Полякова И. В. Психическое здоровье: точность восприятия и саморегуляция // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т. 19, № 3. С. 106–113. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41131250> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Полякова И. В. Психологические особенности метрической обработки образцов восприятия // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 276–286. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26322854> (дата обращения: 20.03.2025).
12. Регуляция поведения и когнитивной деятельности в подростковом возрасте. Мозговые механизмы / под ред. Р. И. Мачинской, Д. А. Фарбер. М.: Изд-во Московского психолого-социального университета, 2023. 616 с.
13. Руководство по использованию методики социально-психологического тестирования. М., 2019. URL: https://resurs-yar.ru/files/slujba/testirivanie/ruk_mockow2019.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
14. Савина Н. Н. Факторы риска и факторы защиты делинквентного поведения подростков // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4(82). С. 92–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-zaschity-i-factory-riska-delinkventnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 11.04.2025).
15. Фарбер Д. А., Горев А. С. Особенности функционального состояния мозга подростков и возможность его произвольной регуляции // Новые исследования. 2017. № 4(53). С. 5–14.
16. Федосеева Т. Е., Иванова И. А., Емельянова А. М. и др. Смыслоразнонаправленные ориентации как детерминанта процесса самоопределения в старшем подростковом возрасте // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2019. № 1. С. 150–154. URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=12658> (дата обращения: 20.03.2025).
17. Цымбал Е. И. Проблема выявления семейного неблагополучия на ранних стадиях (анализ нормативно-правовой базы) // Социальные науки и детство. 2023. Т. 4, № 1. С. 18–35. DOI: 10.17759/ssc.2023040102.
18. Чипан А. А. Основные подходы к рассмотрению понятия «подростки группы риска» // МНКО. 2023. № 4 (101). С. 197–202.
19. Чутко Л. С., Сурушкина С. Ю., Яковенко Е. А. и др. Импульсивность у подростков с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Спецвыпуски. 2016. Т. 116, № 11-2. С. 13–17. DOI: 10.17116/jnevro201611611213-17.
20. d'Acremont, M., Linden, M. V. d. Adolescent Impulsivity: Findings From a Community Sample // J Youth Adolescence. 2005. Vol. 34. Pp. 427–435. DOI: 10.1007/s10964-005-7260-1.
21. Ding C., Wang T., Chen X. et al. Association of Adverse Childhood Experience and Attention Deficit Hyperactivity Disorder with depressive symptoms among men who have sex with men in China: moderated mediation effect of resilience // BMC Public Health. 2019. Vol. 19(1). P. 1706. DOI: 10.1186/s12889-019-8016-2. PMID: 31856776.
22. Mattelin E., Paidar K., Söderlind N. et al. A systematic review of studies on resilience and risk and protective factors for health among refugee children in Nordic countries // Your Child Adolesc Psychiatry. 2024. Vol. 33(3). Pp. 667–700. DOI: 10.1007/s00787-022-01975.
23. Rutter M., Giller H., Hagell A. Antisocial Behaviour by Young People. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 478 p.
24. Rutter M. Resilience in the face of adversity. Protective factors and resistance to psychiatric disorder // Br J Psychiatry. 1985. Vol. 147. Pp. 598–611. DOI: 10.1192/bjp.147.6.598.
25. Provenzano S., Firenze A. Risk Factors for Addictive Behaviors: A General Overview // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. Vol. 19. P. 6583. DOI: 10.3390/ijerph19116583.
26. Santangelo O. E., Provenzano S., Armetta F. et al. Nursing students and depressive symptomatology: An observational study in University of Palermo // Mental illness. 2019. Vol. 11(2). Pp. 25–31. DOI: 10.1108/MIJ-10-2019-0006.

Protection Factors vs. Risk Factors of Adolescent Deviant Behavior: Transformation Features

Polyakova Irina Vadimovna

PhD in Psychology, associate professor of the Department of General Psychology, Smolensk State University.
Russia, Smolensk. ORCID: 0000-0003-2054-4390. E-mail: alisapolyak@mail.ru

Abstract. The growth and prevalence of behavioral disorders in adolescents indicate problems with social adaptation and the need to adopt a system of preventive measures ensuring their psychological safety and well-being. The study of the specific features of adolescents' behavior at different stages of their development is connected with the need for the timely prevention of deviations in the development of their psyche and the formation of their personality. The aim of the study was to comparatively correlate the severity of protective factors and risk factors of deviant behavior identified during the socio-psychological testing of adolescents. The hypothesis that the ratio of protective and risk factors differs at different stages of adolescence received experimental confirmation. The study involved 325 adolescents enrolled in grades 7–11 (aged 13–17 years). The measurement was carried out using the "Unified Methodology of Socio-Psychological Testing" questionnaire (hereinafter USPT). The ranking of the results made it possible to identify the structure and dynamics of the transformation of risk and protective factors in accordance with the age characteristics of adolescents. The highest exposure to the risk factor was found in seventh-graders. The level of the decrease in risk factors is heterogeneous and heterochronous in character. Risk factors specific to each stage of adolescence were identified. The specifics of mastering protective factors are described, consisting in the transformation of interactive models into "intrapsychic" ones, within the framework of which interaction with surrounding people is carried out. The results obtained are applicable for the development and/or refinement of a strategy for working with students at any stage of adolescence, as well as for the effective determination of the methods and techniques of psychological and pedagogical correction in individual and group modes of work with adolescents.

Keywords: adolescents, adaptation, deviant behavior, protective and risk factors of deviant behavior, risk propensity.

References

1. Bodraya E. A. *Faktory riska formirovaniya u podrostkov addiktivnogo povedeniya* [Risk Factors for the Formation of Addictive Behavior in Adolescents] // *Uspehi prosveshcheniya – The Successes of Enlightenment*. 2024. No. 1.
2. Gyuldzhyan A. G. *Problemy social'noj adaptatsii molodezhi* [Problems of the Social Adaptation of Youth] // *Molodoj uchenyj – The Young Scientist*. 2018. No. 29 (215). Pp. 136–138. Available at: <https://moluch.ru/archive/215/48423/> (date accessed: 20.03.2025).
3. Dementij L. I. *Vozrastnye osobennosti samokontrolya, impul'sivnosti i agressivnosti shkol'nikov* [Age-Related Features of Self-Control, Impulsivity, and Aggressiveness of Schoolchildren] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psihologiya" – Herald of Omsk University. Series "Psychology"*. 2017. No. 2. Pp. 4–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30624668> (date accessed: 20.03.2025).
4. Zorina N. S. *Semejnoe neblagopoluchie kak prichina prestupnosti nesovershennoletnih* [Family Dysfunction as a Cause of Juvenile Delinquency] // *Pravo i upravlenie – Law and Management*. 2023. No. 4. Pp. 156–158. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-4-156-158.
5. Ivanchuk N. P., Popova E. M., Cegen'ko N. E. *Tehnologiya raboty s podrostkami, stoyashchimi na uchete v banke dannyh o sem'yah i nesovershennoletnih, nahodyashchihsya v social'no opasnom polozhenii* [A Technique for Working with Adolescents Registered in the Database of Families and Minors in a Socially Dangerous Situation] // *Interaktivnaya nauka – Interactive Science*. 2022. No. 1 (66). Pp. 24–26.
6. Kodaneva L. N., Ketlerova E. S., Sokolenkova I. I. *Rasprostranennost' povedencheskih faktorov riska sredi shkol'nikov* [The Prevalence of Behavioral Risk Factors among Schoolchildren] // *Uchenye zapiski universiteta im. I. F. Lesgafta – Scientific Notes of the Lesgaft University*. 2020. No. 11 (189). Pp. 229–232. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p229-232.
7. Kupchenko V. E., Ratanina O. V. *Osobennosti samokontrolya, impul'sivnosti, agressivnosti i empatii podrostkov s delinkventnym povedeniem* [Features of Self-Control, Impulsivity, Aggressiveness, and Empathy in Adolescents with Delinquent Behavior] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psihologiya" – Herald of Omsk University. Series "Psychology"*. 2016. No. 2. Pp. 36–41.
8. Polyakova I. V. *Effektivnost' obucheniya: osobennosti vzaimosvyazi tochnosti vospriyatiya i nervno-psihicheskoy ustojchivosti* [Learning Effectiveness: Features of the Relationship between Perceptual Accuracy and Neuropsychic Stability] // *Psihologiya obucheniya – Psychology of Learning*. 2017. No. 8. Pp. 32–39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29823404> (date accessed: 20.03.2025).
9. Polyakova I. V. *Psihicheskoe zdorov'e: tochnost' vospriyatiya i samoregulyaciya* [Mental Health: Perceptual Accuracy and Self-Regulation] // *Voprosy psicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov – Mental Health Issues*

of Children and Adolescents. 2019. Vol. 19, No. 3. Pp. 106–113. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41131250> (date accessed: 14.01.2026).

10. Polyakova I. V. *Psihologicheskie osobennosti metrichejskoj obrabotki obrazcov vospriyatiya* [Psychological Features of the Metric Processing of Perceptual Patterns] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Skill. 2016. No. 2. Pp. 276–286. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26322854>.

11. *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 20 fevralya 2020 g. No. 59 "Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya social'no-psihologicheskogo testirovaniya obuchayushchihsya v obshcheobrazovatel'nyh organizatsiyah i professional'nyh obrazovatel'nyh organizatsiyah"* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 59 of February 20, 2020 "On the Approval of the Procedure for Conducting Socio-Psychological Testing of Students in General and Vocational Educational Institutions"]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74078855/> (date accessed: 26.02.2025).

12. *Regulyaciya povedeniya i kognitivnoj deyatel'nosti v podrostkovom vozraste. Mozgovye mehanizmy* [The Regulation of Behavior and Cognitive Activity in Adolescence. Brain Mechanisms] / ed. by R. I. Machinskaya, D. A. Farber. M., Izd-vo Moskovskogo psikhologo-social'nogo universiteta, 2023. 616 p.

13. *Rukovodstvo po ispol'zovaniyu metodiki social'no-psihologicheskogo testirovaniya* [Guidelines for Using the Socio-Psychological Testing Methodology]. M., 2019. Available at: https://resurs-yar.ru/files/slujba/testirivanie/ruk_mockow2019.pdf (date accessed: 11.04.2025).

14. Savina N. N. *Fakторы riska i faktory zashchity delinkventnogo povedeniya podrostkov* [Risk Factors and Protective Factors of Delinquent Behavior in Adolescents] // *Vestnik TGPU* – TSPU Bulletin. 2009. Iss. 4 (82). Pp. 92–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-zaschity-i-factory-riska-delinkventnogo-povedeniya-podrostkov> (date accessed: 11.04.2025).

15. Farber D. A., Gorev A. S. *Osobennosti funkcional'nogo sostoyaniya mozga podrostkov i vozmozhnost' ego proizvod'noj regulyatsii* [Features of the Functional State of the Adolescent Brain and the Possibility of Its Voluntary Regulation] // *Novye issledovaniya* – New Research. 2017. No. 4 (53). Pp. 5–14.

16. Fedoseeva T. E., Ivanova I. A., Emel'yanova A. M. i dr. *Smyslozhiznennyye orientatsii kak determinanta processa samoopredeleniya v starshem podrostkovom vozraste* [Meaning-of-Life Orientations as a Determinant of the Process of Self-Determination in Older Adolescence] // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovaniy* – International Journal of Applied and Fundamental Research. 2019. No. 1. Pp. 150–154. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12658> (date accessed: 20.03.2025).

17. Cymbal E. I. *Problema vyyavleniya semejnogo neblagopoluchiya na rannih stadiyah (analiz normativno-pravovoj bazy)* [The Problem of Identifying Family Dysfunction at Early Stages (An Analysis of the Regulatory Framework)] // *Social'nye nauki i detstvo* – Social Sciences and Childhood. 2023. Vol. 4, No. 1. Pp. 18–35. DOI: 10.17759/ssc.2023040102.

18. Chipan A. A. *Osnovnye podhody k rassmotreniyu ponyatiya "podrostki gruppy riska"* [The Main Approaches to Considering the Concept of "At-Risk Adolescents"] // *MNKO* – MNKO. 2023. No. 4 (101). Pp. 197–202. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-rassmotreniyu-nauchnogo-ponyatiya-podrostki-gruppy-riska>.

19. Chutko L. S., Surushkina S. Yu., Yakovenko E. A. i dr. *Impul'sivnost' u podrostkov s sindromom deficita vnimaniya s giperaktivnost'yu* [Impulsivity in Adolescents with Attention Deficit Hyperactivity Disorder] // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova. Specvypuski* – S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. Special Issues. 2016. Vol. 116, No. 11-2. Pp. 13–17. DOI: 10.17116/jnevro201611611213-17.

20. d'Acremont M., Van der Linden M. Adolescent Impulsivity: Findings from a Community Sample // *Journal of Youth and Adolescence*. 2005. Vol. 34. Pp. 427–435. DOI: 10.1007/s10964-005-7260-1.

21. Ding C., Wang T., Chen X. et al. Association of Adverse Childhood Experience and Attention Deficit Hyperactivity Disorder with Depressive Symptoms among Men Who Have Sex with Men in China: Moderated Mediation Effect of Resilience // *BMC Public Health*. 2019. Vol. 19, No. 1. P. 1706. DOI: 10.1186/s12889-019-8016-2.

22. Mattelin E., Paidar K., Söderlind N. et al. A Systematic Review of Studies on Resilience and Risk and Protective Factors for Health among Refugee Children in Nordic Countries // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2024. Vol. 33, No. 3. Pp. 667–700. DOI: 10.1007/s00787-022-01975.

23. Provenzano S., Firenze A. Risk Factors for Addictive Behaviors: A General Overview // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. P. 6583. DOI: 10.3390/ijerph19116583.

24. Rutter M. Resilience in the Face of Adversity. Protective Factors and Resistance to Psychiatric Disorder // *British Journal of Psychiatry*. 1985. Vol. 147. Pp. 598–611. DOI: 10.1192/bjp.147.6.598.

25. Rutter M., Giller H., Hagell A. *Antisocial Behaviour by Young People*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 478 p.

26. Santangelo O. E., Provenzano S., Armetta F. et al. Nursing Students and Depressive Symptomatology: An Observational Study in the University of Palermo // *Mental Illness*. 2019. Vol. 11, No. 2. Pp. 25–31. DOI: 10.1108/MIJ-10-2019-0006.

Поступила в редакцию: 15.04.2025

Принята к публикации: 14.01.2026